

Один

Быть душкой — все равно что оставить дверь нараспашку. Рано или поздно какой-нибудь праздношатающийся обязательно стащит твою лучшую шляпку. У меня только одна шляпка, да и та уродливей раздавленной вороны, и если кто-то украдет это посмешище, оно будет давить ему не только на голову, но и на совесть. И все-таки свои границы нужно отстаивать. Особенно если речь идет о чьей-либо ценности.

Сегодня я попрошу прибавку.

— Будешь так тарашиться на мостовую — она начнет дергаться, — одаряет меня сверкающей улыбкой Робби Уизерс. С тех пор как странствующий дантист вырвал Робби гниющий зуб и предупредил, что можно лишиться и остальных зубов, если их не чистить, Робби беретса за щетку дважды в день и ждет от меня того же.

— Люди недооценивают мостовую, а ведь благодаря ей дорога становится ровнее, — отвечаю я, глядя в смеющиеся карие глаза Робби — как и его кожа, по цвету они напоминают орлиные перья. — Нам стоит чаще выражать ей свою признательность.

Робби с важным видом вытягивает руку по направлению к земле.

— Мостовая, мы вам премного благодарны, хоть на вас и сыплются лепешки. — С этими словами Робби оттаскивает меня от кучи навоза. Когда я была совсем крошкой, меня выкармливала мать Робби, упокой, Господи, ее душу. Она-то и рассказала Старине Джину о тайном подвале типографии.

Над верхушками деревьев, высаженных вдоль Уайтхолл-стрит, «хребта» Атланты, высятся величавые кирпичные и солидные каменные здания, среди которых нет-нет да и встретится дом в викторианском стиле, не желающий уступать свое место. После того как четверть века назад войска Шермана спалили город, он, словно длиннохвойная сосна, стал расти еще быстрее и теперь процветает.

— Какой-то ты сегодня странный. — Я нарочито пристально оглядываю Робби от кепки до коричневых штанов. — Ничего не забыл? — Непривычно видеть Робби без телеги с мулом, на которой он развозит заказы из магазина Баксбаума.

— У нас нет продавца. Мистер Баксбаум позволил мне постоять за прилавком, пока не найдут кого-то другого. — Робби одергивает полосатый пиджак, который и так сидит на нем как влитой.

— Да ну!

Мистера Баксбаума обожают все, независимо от цвета кожи, но в наших краях должность продавца может получить только белый.

— Если я хорошо себя проявлю, то, быть может, это станет моей постоянной работой. — Робби натянуто улыбается.

— Невозможно чего-то добиться, сидя на одном месте. Ты создан для этой работы. Я сама все собираюсь попросить у миссис Инглиш прибавку.

Робби негромко присвистывает.

— Будь миссис Инглиш хоть немного разумна, она бы согласилась. Но, конечно, местные жители не отличаются здравомыслием.

Я киваю, чувствуя, как от возмущения кровь в моих жилах начинает течь быстрее. Два года я работала помощницей модистки за те же пятьдесят центов в день. Жалкие гроши. А на дворе уже 1890 год. Да и Старина

Джин слишком похудел, и мне нужно купить ему лекарство — не какие-нибудь бесполезные пилюли или порошок из конского каштана, а что-то действенное. А за все действенное нужно платить.

Мимо проезжает новшество — электрический трамвай, и когда пассажиры замечают меня, на их лицах возникает недоумение разной степени. Восточная внешность в сочетании с западной одеждой всегда заставляет людей метаться между любопытством и порицанием. Обычно они останавливаются на порицании. Мне следовало бы брать с них плату за возможность поглазеть на меня. Конечно, пришлось бы делиться выручкой с Робби, не отрывающим глаз от тротуара: шестифутовый рост моего друга тоже привлекает всеобщее внимание.

Остановившись, Робби сплющивает кепку так, что на ней можно играть в шахматы.

— Мне пора. Удачи, Джо.

— Спасибо, но и тебе она тоже пригодится.

Подмигнув мне, Робби сворачивает в узкий переулок, ведущий к задней двери магазина Баксбаума. Старина Джин говорит, что с тех пор, как я родилась, все стало только хуже. Когда старый добрый президент Хейс возвратил Югу «местное самоуправление», демократы постановили, что отныне цветному населению полагается ходить по переулкам, а это многое говорит о происходящем.

Расправляя рукава красно-коричневого платья, которые потеряли форму и висят, словно пара опустошенных легких, я прохожу еще квартал и оказываюсь у шляпной мастерской миссис Инглиш. Она располагается между свечным магазином и лавкой семян, а значит, у дверей мастерской может пахнуть либо католической церковью, либо люцерной — смотря откуда дует ветер. Но сегодня воздух еще недостаточно нагрелся, чтобы пропитаться запахами. Окна магазина чисты,

словно глаза Господа, — такими я их и оставила вчера вечером, выложив на витрину пару лиловых шляпок. Лиловый сейчас в ходу.

Минуя главный вход, я, как и Робби, плетусь к задней двери. Теперь людей не так заботит, в какую дверь входят китайцы, — не то что в послевоенные времена, когда на замену рабам с плантаций в страну привезли батраков. Наверное, мы для белых что-то вроде божьих коровок: если нас мало — ничего страшного, но если слетается целый рой, становится нехорошо.

У задней двери оставлены три коробки, и я подбираю их, прежде чем войти. Заметив, что Лиззи примеряет едва законченную «изящную» шляпку, над которой я так долго корпела, я останавливаюсь на полпути. Что Лиззи делает здесь в такую рань? Обычно она еле успевает к девяти часам, когда открывается магазин, а сейчас еще нет даже восьми с четвертью.

— Доброе утро. — Я ставлю коробки на рабочий стол, уже заваленный обрезками фетра. Еще не успела высохнуть краска на афишах, возвещающих благотворительные скачки, а у нас уже полно заказов. Во время Великого поста мода не должна играть такую важную роль, но ради главного события года Бог закроет на это глаза. Хозяйка наверняка снова попросит меня задержаться или поработать без обеда, а сама улизнет, чтобы пропустить рюмочку ликера из коки. Что ж, без прибавки я на это не согласна.

— Миссис Инглиш хочет с тобой поговорить, — хрипло произносит Лиззи. Она проводит рукой по пучку пегушиных перьев, которые я накрепко приладила к элегантной шляпке. Пшеничные локоны Лиззи тут и там выбиваются из-под полей.

Я снимаю длинный плащ и черную шляпу, сделанную, вероятно, неуклюжими руками Лиззи, — она оказалась непригодной для продажи, и миссис Инглиш уступила

ее мне по сниженной цене. Затем повязываю кружевной фартук.

Бархатная занавеска, отделяющая мастерскую от магазина, резко съезжает в сторону, и перед нами предстает миссис Инглиш.

— Вот ты где, — раздается ее надменный учительский голос.

Я смахиваю пыль со своего серо-коричневого рабочего чепчика.

— Доброе утро, мэм. Я кое-что придумала. Почему бы вместо этих шляпок от поганки нам не носить наши последние модели? Только посмотрите, как Лиззи идет моя изящная шляпка...

Миссис Инглиш хмурится.

— Надевайте чепцы. Обе.

— Да, мэм, — отвечаем мы с Лиззи в унисон. Я набрасываю чепец на голову. О прибавке нужно поговорить сейчас, *прежде* чем миссис Инглиш заставит меня задержаться вечером, — тогда хозяйка не подумает, будто я так реагирую на то, что приходится перерабатывать. Я провожу ладонями по юбке.

— Миссис Инглиш...

— Джо, я больше не нуждаюсь в твоих услугах.

— Я... — До меня долетают ее слова, и я захлопываю рот. Больше не нуждается... Неужели я... Уволена...

— Мне нужна только одна помощница, и Лиззи отлично справится с этой работой.

Лиззи резко втягивает воздух. Ее обычно заspanные глаза распахиваются так, что в них может залететь мошкар.

— Лиззи, вскрывай-ка посылки. Кажется, в одной из них должна быть новая болванка для канотье, — произносит миссис Инглиш, сделав неопределенный жест рукой.

— Да, мэм. — Лиззи в поисках ножа с грохотом выдвигает ящики.

— Н-но... — Повернувшись к Лиззи спиной, я перехожу на шепот: — Миссис Инглиш, я научила ее всему. Фетровые шляпки получаются у меня вдвое быстрее, чем у нее, и я никогда не опаздываю, а еще вы говорили, что я хорошо подбираю цвета.

Я не могу потерять работу. После того как меня уволили в прошлый раз, я два года пыталась куда-нибудь устроиться надолго, а сущих грошей, которые Старина Джин зарабатывает в конюшне, нам вдвоем никак не хватит. Снова придется жить впроголодь, ощущая, что еще немного — и конец. Почувствовав, что к горлу подступают отчаянные рыдания, я принимаюсь глубоко дышать.

Нам хотя бы есть где жить. В нашем доме сухо, тепло, и с нас не требуют арендной платы — вот такое преимущество имеется у жизни в чужом подвале. А если тебе есть где жить, значит, тебе есть где строить планы и мечтать.

Миссис Инглиш вздыхает — делает она это довольно часто. Ее пышная грудь живет своей жизнью: иногда она величаво выпячивается, а иногда часто и взволнованно вздымается, например когда к нам заходит жена мэра. Сегодня корсет миссис Инглиш проходит испытание на прочность ее прерывистым дыханием. Она смотрит на меня снизу вверх прищуренными слезящимися глазами.

— Некоторым покупательницам при виде тебя становится неловко.

Каждый слог этого слова отвешивает мне пощечину — *не-лов-ко*, и по всему телу, от головы до пяток, словно расплавленный чугунок, разливается обида. Но я же *хорошо* делаю свою работу. Жена адвоката назвала шелковые узлы, которые я завязала на ее шляпке, шедевральными. Чем же я так не угодила? Я всегда мою с мылом даже те места, которых не видно. Я собираю черные волосы

в опрятную прическу и, благодаря Робби, каждый день чищу зубы порошком корня солодки. Я не лентяйка, как Лиззи, и не гордячка, как миссис Инглиш. Вообще говоря, в нашей троице я безобиднее всех.

— Потому что я... — Я подношу руку к щеке, гладкой и желтоватой, как азиатская степь.

— Я знаю, что ты не в силах этого изменить. Такая уж у тебя судьба. — Миссис Инглиш заглядывает мне в глаза — такие же круглые, как у нее, только сужающиеся к уголкам. — Но дело не только в этом. Ты... нахалка. — Она косится на мой чепец, и я начинаю жалеть, что назвала его шляпкой от поганки. — Ты не понимаешь, когда нужно оставить свое мнение при себе.

Миссис Инглиш откидывает голову, и кожа на ее шее собирается в складки.

— Женщины хотят слышать комплименты. А сообщать им о том, что у них болезненный вид, квадратная челюсть или широкое лицо, вовсе не обязательно.

Если бы я в какой-то шляпке становилась круглолицей, я бы предпочла узнать об этом до того, как куплю ее. Лиззи всегда высказывает свое мнение. Буквально на прошлой неделе она посоветовала даме с бугристой головой навсегда отказаться от шляпок. Тогда миссис Инглиш просто улыбнулась. Мне не терпится высказать свое мнение о мнении миссис Инглиш, но это только подтвердит ее правоту.

— Я всего лишь хотела помочь им принять верное решение. — Я изо всех сил стараюсь не выдать своего негодования, но у меня дрожит голос.

— Что ж, очевидно, что держать тебя здесь — решение неверное. Сегодня твой последний рабочий день. Не усложняй эту и без того непростую ситуацию. Я уверена, что ты без труда устроишься куда-нибудь горничной или еще кем-то в этом роде.

Горничной? Я делаю глубокий вдох. Теперь такая работа кажется недостойной, хоть я и не в том положении, чтобы привередничать.

— Но точно не помощницей в шляпной мастерской. — Миссис Инглиш вонзает булавку еще глубже. — Я уже поговорила со всеми модистками, и ни одна из них тебя не наймет.

Хотя все шестнадцать модисток, украшающих головы жительниц Атланты, соперничают между собой, они держатся друг за друга так же крепко, как и прилаживают к шляпкам ленты. Что-то с грохотом падает на пол, но извинения Лиззи, уронившей болванку для канотье, звучат откуда-то издалека. Меня занесли в черный список. Так заведено: когда прислужниц увольняют, их заносят в черный список, пусть даже они не сделали ничего, чтобы это заслужить, — только каждый день стирали руки до костей, приходили на работу ни свет ни заря, уходили за полночь, убирали за другими и терпеливо перешивали неудачные строчки. Я едва дышу.

— Н-но я...

— Не могу допустить, чтобы ты разболтала мои секреты.

Звякает дверной колокольчик, и миссис Инглиш спешит в ту часть мастерской, где располагается магазин.

Я вытираю рукавом полные слез глаза. А ведь когда-то я восхищалась добротой поверившей в меня миссис Инглиш.

Хозяйка мастерской заглядывает за занавеску со словами:

— Джо, тебя спрашивает одна дама.

Я проглатываю ком в горле.

— Меня?

Ко мне никто никогда не приходил. Да и для покупателей еще слишком рано.

— Вернее, она спрашивает «китаянку». Я сразу подумала о тебе. Поторапливайся.

Вытерев лицо, я следую за миссис Инглиш. По другую сторону дубового прилавка стоит женщина в сером костюме с небольшим турнюром и в белой блузе с высоким воротником. Из узких плеч вырастает тонкая шея, на скуластом лице выделяется острый подбородок. Рано поседевшие волосы собраны в узел.

Я вздыхаю. Это миссис Белл, моя соседка сверху. Все это время мы скрывались от издателя и его родни, но я подглядывала за ними в окна печатного цеха. Светло-серые глаза миссис Белл скользят по мне, и я почти слышу, как рушатся стены нашего подземного жилища. С улицы доносится щелканье кнута. Раздается рев мула, и остатки моих надежд улетучиваются.

Два

Дорогая мисс Ягодка!

Полгода назад рядом с нами поселилась еврейская семья. Ведут они себя престранным образом: целуют свитки, прикрепленные к дверному косяку, сооружают во дворе шалаши и ночуют в них, распевают какую-то тарабарщину и машут ветками. У нас уже голова кругом. Как нам вернуться к спокойной жизни?

Ваши мистер и миссис Респект

*Мистер и миссис Респект,
можно переехать.*

Ваша мисс Ягодка

— Это миссис Белл. Ну что же ты стоишь? Скажи что-нибудь. — Миссис Инглиш ставит руки на пояс. Мне кажется, даже ее застывший выпирающий бюст смотрит на меня в упор. Неужели эта женщина пришла, чтобы сдать меня под арест? Если кто-то прознал, что у нее в подвале без ее ведома живут два китайца, нас ждет тюрьма или еще что похуже. В этой части света люди сплачиваются с той же быстротой и легкостью, с какой грозовые облака затягивают небо.

— Как поживаете, мэм? — Я пытаюсь выдавить приветливую улыбку, чтобы не казаться слишком мрачной. Надо вести себя естественно. Если миссис Белл ищет китайянку, живущую у нее в подвале, то она обозналась,

нас таких сотни тысяч. Непослушными пальцами я выдергиваю из корзинки веер. — Погожий сегодня день.

Миссис Инглиш, бросив на меня испепеляющий взгляд, выхватывает веер у меня из рук.

— Э-э, да, — отвечает миссис Белл, хотя за окном пасмурно. Надо сказать, что теперь, глядя миссис Белл в глаза, я понимаю, что она скорее растеряна, чем рассержена: темные брови удивленно приподняты, рот чуть приоткрыт. Сняв простенькую сизую шляпку, миссис Белл кладет ее на прилавок. — Я в восторге от того, какими узлами украшена шляпка моей подруги. Она сказала, что это творение китаянки из вашей мастерской.

Жена адвоката? Я немного успокаиваюсь. Быть может, о нашем пристанище по-прежнему никому не известно.

— Не могли бы вы сделать нечто подобное и для меня? — произносит миссис Белл, указывая на свою шляпку.

— Вообще-то у нее полно дел, — отвечает миссис Инглиш, откашлявшись. Ее взгляд падает на хорошо знакомую мне папку, лежащую у кассы. — У нас сегодня переучет.

Я сжимаю зубы. Обычно такой нудятиной мы занимаемся по пятницам, но миссис Инглиш рассчитывает, что в свой последний день я отработаю все до последнего цента. У Лиззи цифры никогда не сходятся.

— Но, — добавляет миссис Инглиш, — я сама с радостью вам помогу.

— Вы *тоже* умеете вязать китайские узлы? — слегка наклонив голову, спрашивает миссис Белл.

— Э-э, нет. — Хозяйка мастерской поджимает губы — так собираются края кошелек, если потянуть за веревочки. Миссис Инглиш мои узлы показали слишком вычурными, вот только она и слова не сказала, когда жена адвоката щедро оплатила работу.

— Я с удовольствием украсила бы вашу шляпку, — с опаской произношу я. Если миссис Белл пришла меня арестовать, то где же констебль? Возможно, я еще не отошла от новости об увольнении, но, судя по всему, эта женщина не намерена выкуривать меня из своего дома. Да и мысль о том, что Лиззи, вероятно, самой придется разбираться с переучетом, меня очень радует.

— Но ведь на это уйдет не один день, — возражает миссис Инглиш, многозначительно вскинув брови.

Миссис Белл складывает ладони вместе.

— О, не беспокойтесь. Пару дней я вполне могу обойтись без шляпки.

— Я справляюсь за день, — отвечаю я, храбро улыбаясь миссис Инглиш в надежде выжать хоть каплю жалости из ее каменного сердца.

Хозяйка мастерской обмахивается веером. Нас обволакивает аромат гардении.

— Я пойду вам навстречу, если заплатите наличными.

— Ах, у меня есть кое-что лучше наличных. — Миссис Белл теребит поля шляпки. Воспаленные суставы кисти растягивают ткань поношенных перчаток, из которых скоро начнут высовываться подушечки пальцев. В их семье с деньгами туго. Затаив дыхание, я гадаю, что же миссис Белл хочет нам предложить, и вместе с этим начинаю опасаться, что здесь все не так просто, как кажется. — Видите ли, мой муж — владелец газеты «Фокус». В обмен на услугу мы могли бы обеспечить вам месяц рекламы, а это равноценно трем долларам. Мне сказали, узел можно получить за полтора доллара. Ваша работа окупится вдвое.

— Только чтоб на первой полосе, — холодно бросает миссис Инглиш. — И чтобы никакой рекламы конкурентов.

Миссис Белл молчит, и хозяйка мастерской решает воспользоваться своим обаянием:

— Каждое наше изделие — уникальное произведение искусства. И в шляпках, что прошли через наши руки, лучше не ездить в Нью-Йорк, а не то ваш шедевр может оказаться в музее Метрополитен. — Миссис Инглиш, которой нет равных в подхалимстве, обмахивает посетительницу веером.

Не переставая приветливо улыбаться, миссис Белл принимается наматывать на палец нитку, свисающую с рукава.

— На таких условиях мы сможем рекламировать вас лишь в течение недели.

Торг продолжается, и миссис Белл время от времени поглядывает на меня. Опустив руки по швам, я пытаюсь принять непринужденный вид. Хозяйка мастерской, словно актриса, с легкостью меняет тон, а голос жены издателя остается твердым, как дубовый стол. Мне от этого становится спокойнее, хотя меня по-прежнему волнует истинная причина визита миссис Белл. Мне вспоминаются песни, под которые миссис Белл баюкала Нэйтана — он старше меня на два года — и под которые мне становилось веселей. Рассказы миссис Белл о детстве на родительской ферме невероятно увлекали меня, а ведь я бы никогда не подумала, что мне может быть интересно слушать про овец. И вот эта женщина стоит передо мной и даже не догадывается — по крайней мере, я на это надеюсь, — как много она значит для меня.

В магазин входят две девушки: на них платья моднейших пастельных оттенков и кружевные воротнички. Мисс Мелисса Ли Солтворт и мисс Линетт Калпеппер — я про себя называю их Соль и Перчинка — дочери «торгующих аристократов». Жителям Атланты не обязательно иметь громкую фамилию, чтобы обеспечить себе высокий статус, — не то что в Саванне или Чарлстоне, более старых городах. Здесь достичь высот можно с помощью одной

лишь деловой жилки. Но, конечно, китайцам тут не может ни деловая, ни какая другая жилка.

— Доброе утро, мисс Солтворт, мисс Каллеппер. Как поживаете? — С этими словами миссис Инглиш поворачивается, чтобы позвать Лиззи.

Лиззи появляется из-за шторы.

— Ба! Доброе утро, миссис Белл! Как ваш Нэйтан? Что-то в последнее время он не привозит газеты в отцовский магазин.

— С ним все в порядке, Лиззи. Сейчас он очень занят написанием статей. Я передам ему от тебя привет.

Мордашка застывшей у прилавка Лиззи расплывается в мечтательной улыбке. Миссис Инглиш прочищает горло и многозначительно кивает в сторону Соли и Перчинки. Лиззи неспешно направляется к девушкам, как будто пол усеян лошадиными лепешками. Даже если бы в мастерской полыхал пожар, Лиззи и не подумала бы торопиться. Соль показывает на верхнюю полку, где выставлены лучшие модели, и Лиззи длинной палкой достает лиловую соломенную шляпку с вуалью. Ощущая полное бессилие, я прикусываю язык. Лиловый совершенно не подходит бледнолицей Соли.

— Две недели мы будем рекламировать только вашу мастерскую. Надеюсь, мы договорились, — произносит миссис Белл, особенно упирая на последние слова.

Миссис Инглиш кивает, глядя на меня ликующими глазами. Миссис Белл также окидывает меня взглядом. Я призываю на помощь все свое самообладание, чтобы жена издателя не сочла меня невежей.

— Вы хотели бы украсить шляпку для особого случая или планируете носить ее каждый день? — спрашиваю я, с трудом поворачивая язык.

— Мне хочется чего-то необычного, чего-то, что привлекает внимание. А шляпку я собираюсь надеть на скачки.

Соль, восхищенно рассматривающая соломенную шляпку в руках Лиззи, восклицает:

— О, как я жду дня скачек! Мы прибудем как можно раньше.

Перчинка так быстро вращает кружевной зонтик, словно под ее ногами оказался подземный ключ.

— Надеюсь, мистер К. скоро пришлет тебе приглашение.

Щеки Соли вспыхивают — точь-в-точь закатное солнце под белым облаком кудрей. Перчинка уверена, что мистер Квакенбак, сын финансиста, потерявшего состояние на долларах Конфедерации, «сохнет» по мисс Солтворт и желает просить ее руки. Имя Квакенбаков по-прежнему имеет некоторый вес, чего не скажешь о кошельках членов семейства, а мистер К. смазлив настолько, что может пробудить интерес в сердце даже самой привередливой красавицы. Будь я такой же богачкой, как Соль, охотник за наживой вроде мистера К. получил бы от меня лишь хорошую оплеуху. Да и Старина Джин говорит, что мистер К. уступает в красоте своей лошади редкой масти: пегая с белыми пятнами, но с черной гривой и черным же хвостом.

Миссис Белл поворачивается к девушкам:

— Дамам также предлагается приглашать кавалеров. Мы как раз печатали афиши.

— Да, но порядочная женщина на это не пойдет, — возражает миссис Инглиш.

Улыбка сходит с лица миссис Белл.

— Собранные деньги пойдут на нужды Общества улучшения положения женщин. Полагаю, в этом случае дама может себе позволить отправить приглашение мужчине.

Соль, к моему облегчению, возвращает лиловую шляпку Лиззи.

— Но это же такой дерзкий шаг! А если мужчина откажет? Я бы чувствовала себя униженной.

— Не откажет. — Перчинка заправляет выбившуюся черную прядь под бархатную шляпку, которую я додела-ла буквально на прошлой неделе.

— Было бы чудесно, — вздыхает Лиззи, так крепко сжимая лиловую шляпку, что мне кажется, будто я слышу стоны соломинок.

Я надеюсь, что миссис Инглиш отчитает Лиззи, но вместо этого хозяйка мастерской с улыбкой смотрит на кассу. Видимо, напоминает, сколько заказов мы получили благодаря скачкам. У меня в груди начинает расти крошечный пучок надежды, будь она неладна.

Свои последние часы в мастерской я трачу на то, чтобы придумать, как украсить шляпку миссис Белл. Помнится, как-то летом, когда из-за скверной погоды нельзя было выходить из подвала, Везунчик Йип, один из моих дядюшек, научил меня искусству вязания узлов. Для этого нужен только шелковый шнурок и пальцы.

Спереди на простенькой фетровой шляпке миссис Белл выступает небольшой козырек, а сзади ее поля приподняты, чтобы помещалась прическа. Я решаю немного оживить эту унылую конструкцию и завязываю шнурок в форме розочек и анютиных глазок. Чтобы оттенить цветы листиками, я добавляю к украшению зеленые ленты.

В первый раз меня уволили, когда я полировала перила в роскошном особняке семейства Пэйн — Старина Джин работал там с тех пор, как двадцать лет назад впервые ступил на американскую землю. Там я выросла: сперва помогала в конюшне, иногда составляла избалованной дочери Пэинов компанию в играх, а потом меня повесили до горничной. У меня на пальцах еще не высохла олифа, а миссис Пэйн уже вырвала у меня тряпку и указала на дверь: «Уходи».

Миссис Инглиш хотя бы объяснила, за что увольняет меня. Не то чтобы ее слова звучали убедительно, но это все же лучше, чем ничего.

Лиззи заходит за занавеску. Я слышу ее шумные вздохи у себя за спиной. Бабочка, которую я вывязываю, выскальзывает у меня из рук, и я смотрю на Лиззи мокрыми глазами.

— Ты что-то хотела?

— Уволить нужно было меня. Я не люблю эту работу так, как ты.

Я выдыхаю, жалея, что Лиззи почти не дает мне поводов для ненависти.

— Вот набьешь руку, и тогда тебе точно понравится.

Лиззи бросает взгляд на занавеску, за которой, судя по шуму, полно покупателей. Но вместо того чтобы выйти к ним, Лиззи валится на стул.

— Готова поспорить, что подготовка к скачкам пройдет как по маслу.

Скрестив пальцы, Лиззи задирает плечи.

Я невольно задумываюсь о том, что мир был бы намного лучше, если бы все могли делать то, что хочется. Мне нравится шить шляпы. И я не хочу быть прислугой избалованной южанки. Лиззи не нравится шить шляпы. Она сама хочет *быть* избалованной южанкой. А что до миссис Инглиш, ее жизнь была бы куда проще, если бы она оставила в мастерской меня и выгнала Лиззи. По крайней мере, я принесла бы ей неплохую выручку.

Еще пара витков, и моя бабочка готова: расправила крылышки и готова улететь. Когда мне остается сделать последние штрихи, возвращается миссис Белл.

— Такой красоты я и представить не могла, — произносит миссис Белл, поворачивая голову перед зеркалом. — И эту прелесть ты сделала так быстро!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не взглянуть на реакцию миссис Инглиш, которая, стоя рядом со мной, заканчивает подсчеты в кассовой книге.

— Благодарю вас, мэм. Хорошо бы вам всегда добавлять в свой наряд что-то цветное, потому что...

Миссис Инглиш громко прочищает горло.

Я прикусываю язык, вспомнив, что такие высказывания и загубили мою карьеру.

— Ну... Потому что нам всем это к лицу.

Миссис Белл с улыбкой протягивает мне пять центов.

— Я... Я не могу это принять, — бормочу я. Время от времени мне дают на чай, но я и так слишком многим обязана миссис Белл, и мне неловко брать у нее деньги. Улыбка начинает сползать с лица миссис Белл, и я понимаю, что веду себя подозрительно. Мне приходится взять монетку. — Спасибо.

— Пусть Бог никогда не оставит тебя, — тихим голосом произносит миссис Белл.

Теперь мне снова начинает казаться, что ей известно про нас со Старинной Джином. А что, если она таким образом дает мне понять, что ничего не имеет против нынешнего положения дел? Но к чему тогда *такие* слова? Или она думает, что мы никогда больше не увидимся? Вдруг она все же решила нас выгнать?

По лицу миссис Белл невозможно ничего прочитать. Она снова любитесь украшенной шляпкой, глядя на себя в зеркало.